

После того, как Ипполит Петрович покончил с собой от ревности, застав Дмитрия со своей женой, Дмитрий и Анна Егоровна решили уехать из страны. Удалось главное - выбить-таки разрешение на эмиграцию. И, кроме того, Анна сумела провезти через границу с десяток крупных бриллиантов, подаренных покойным мужем. Анна спрятала их в самом интимном женском месте, и на таможне никто ничего не обнаружил. Эмигрировав во Францию, Анна Егоровна вместе с Дмитрием первое время просто купались в своём счастье. Но прошло около года и денег стало решительно не хватать. Нужно было думать о том, каким образом можно раздобыть средства для пополнения семейного бюджета. Вскоре помог случай. Однажды в ресторации к Анне Егоровне с Дмитрием подошёл человек, назвавшийся Жаком. Он оказался русским, тоже эмигрантом. А угадывая бедственное, как у многих эмигрантов, материальное положение Анны Егоровны, он предложил свою помощь. Этот человек как раз сейчас разыскивал для одного очень богатого нувориша людей, не возражавших принимать участие в театрализованных представлениях. Но... то были не совсем обычные представления. Точнее сказать, - совсем необычные. Нувориши организовали нечто вроде эротического театра, для себя и своих многочисленных друзей, таких же, как он, пресыщенных толстосумов. Месье Жак долго ходил вокруг да около, весьма туманно объясняя, что за спектакли ставит упомянутый театр. И, наконец, прямо прозвучало слово «orgia». По его словам, в тех оргиях участвовали и гермафродиты, и животные, и карлики, и мужеложники. Поначалу Анна и Дмитрий были шокированы. Но потом, соблазняемые выгодами, которые сулило знакомство с миллионером, они согласились на предложение месье Жака. И через пару дней Жак явился за влюблённой парочкой. Сев в ландо, они поехали на встречу с толстосумом. Загородный дом миллионера находился в живописном местечке, окружённый зеленью. Рядом был пруд, в котором, грациозно наклоняя длинные шеи, плавали белые лебеди. Месье Жак проводил Анну Егоровну и Дмитрия в просторную светлую комнату, в которой уже было немало гостей. К Аннушке подошёл высокий лысый господин в чёрном: - А-а, приветствую! Так это вы те самые смельчаки, которые решили наплевать на условия европейской морали? Месье Жак много интересного о вас рассказал... Но позвольте представиться – я Ландрю, хозяин этого дома... - громко произнёс он. - Очень приятно, - Анна Егоровна протянула руку для поцелуя. - ... и руководитель нашей коммуны, - докончила подошедшая молодая дама, вынимая изо рта папирюс. - Это моя племянница, Эжени, знакомьтесь. Она увлекается разными социальными теориями, поэтому называет наше общество «коммуной». А я вот терпеть не могу словечки вроде «коммуна», «коммунисты» и так далее!.. Да и вы, мадам, вы ведь тоже не имеете оснований симпатизировать им – месье Жак сказал, вы сбежали из России? Там, кажется, сейчас происходит что-то вроде гражданской войны? Анна Егоровна, слегка смущившись под словесным напором, только кивала, улыбаясь. Дмитрий крутил головой, разглядывая обстановку: пальмы по углам, диванчики, на которых сидели люди разного возраста и, видимо, разных национальностей – Дмитрий увидел на одном смуглом парне чалму. - Секс – это великолепно. Это первобытная энергия, призванная влиться в жилы дряхлеющей современной цивилизации и освежить её. Вы – избранные, вы это знаете? - выпуская дым из губ, сказала Эжени Дмитрию. Эжени носила короткую стрижку, была худа и напоминала мальчишку-подростка. А на её мизинце перстенек сверкал бриллиантом, каких Дмитрий и не

видывал: каратов в нём было, вероятно, больше, чем во всех камешках, которые Аннушка, словно эмбриона, провезла в себе. Пока Анна Егоровна беседовала с хозяином дома, появились слуги. Они внесли низенькие столики и расставили на них закуски и напитки, - омары, дыни и хурма, сыр, шампанское. Все начали угощаться. Ландрю произвёл благоприятное впечатление не только на Анну Егоровну, но и на Дмитрия. Хозяин дома казался общительным и открытым; его улыбчивость и оптимистичность передавались всем. Гости выпивали и шутили; один из присутствующих, тот самый красивый парень-индус в радужно-расшитой чалме, на которого обратил внимание Дмитрий, подсел к Анне Егоровне, подливал ей вина, улыбался и пытался обнять. Захмелевшая Аннушка охотно принимала его ухаживания. А Эжени устроилась рядом с Дмитрием и, когда в пылу разговора что-то доказывая, хлопнула его по колену и не убрала свою ладонь, он не возражал. Эжени двинула ладонь по направлению к пащу Дмитрия. Вскоре Дмитрий уже целовался с Эжени, не видя, что Анна Егоровна тоже сладко лобзается с индусом, а тот, просунув руку в её пеньюар, плотоядно тискает её пышные холмы. Присутствующие понемногу стали раздеваться. Дмитрия, воспитанного в строгости традиционного русского усадебного быта, поначалу коробило зрелище того, как присутствующие женщины принялись постепенно освобождаться от одежд. От смущения не спасало понимание, что именно подобные забавы здесь и предполагались; Дмитрий, чувствуя, как тяжёлым огнём запаляются его щёки, старался не думать о том, что сейчас делает его возлюбленная Аннушка, не глядеть по сторонам, и смотрел только на Эжени. Та, впрочем, так же, как и остальные, без капли стыда и даже не вынимая изо рта папиросы, лишь прищурившись от её дыма, изящно обнажила верхнюю часть тела, и прилипла к Дмитрию в поцелуе. Когда Дмитрий оторвался, наконец, от губ Эжени, его драгоценная Аннушка уже осталась в одних чулках тельного цвета на подвязках. Краешки чулок впивались в белые ляжки Анны Егоровны; индус, скаля белоснежные зубы, наигрывал рукой меж её ног. Ландрю сидел рядом. Склоняя лысый костистый череп, он лизал соски Анны Егоровны. - Чудесно... - невнятно бормотал он, когда выпрямлялся. Дмитрий, хмельной и ревнующий, пялился на ласкаемую Анечку, борясь с искушением броситься к ней и отбросить прочь Ландрю, и вместе с тем испытывая новое, неведомое прежде и возбуждающее чувство, как будто бы он хвастался перед публикой своею прекрасной Анечкой. А хвастаться было чем: женственная, белотелая и кругобёдрая, Аннушка выглядела сочной русской Дульсинеей по сравнению с Эжени с её чисто символической грудью и мальчишечным тазом. Впрочем, Эжени обладала собственной своеобразной харизмой, и в ней, несмотря на худобу, была особая возбуждающая грация великосветской развратницы. Заметив, что Дмитрий смотрит на них с Анной, Ландрю громко произнёс: - Господа! Давайте попросим, чтобы наш молодой гость убедил нас в том, что он достоин нашего общества, свободного от любых предрассудков... его возлюбленная жаждет его ласки... а мы жаждем лицезреть, как он будет её ласкать... давайте поддержим наших новых друзей! – с иезуитски хитрой благожелательностью воскликнул он. (ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)